

1875

ШЕШТЫЙ ГОДЪ

1880

# ДРЕВНЯЯ И НОВАЯ РОССІЯ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

СЪ РИСУНКАМИ

Пров. 50

22822

15752

XVI, 1. — ЯНВАРЬ — 1880

ПЕТЕРБУРГЪ



# РОССІЯ И АНГЛІЯ

## ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

По поводу брошюры профессора Мартенса: «LA RUSSIE ET L'ANGLETERRE DANS L'ASIE CENTRALE».

### I.

Занятіе Англичанами Кабула и, можетъ быть, въ скоромъ времени, покореніе и удержаніе ими за собою большей части всего Авганистана—ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ давними соперниками нашими въ Средней Азіи <sup>1</sup>. Они и мы дошли, наконецъ, до того положенія, когда и для нихъ, и для насъ на почвѣ Средней Азіи и Средне-Азіатскихъ дѣлъ должны возникнуть новыя отношенія и въ недалекомъ будущемъ произвести самыя существенныя измѣненія въ давно уже назрѣвающимъ и столь же сложномъ и грозномъ, какъ Восточный,—Средне-Азіатскомъ вопросѣ.

Пять лѣтъ назадъ одинъ Англіійскій путешественникъ довольно рельефно, хотя и совсѣмъ справедливо, какъ будетъ указано ниже, обрисовалъ положеніе дѣлъ въ Средней Азіи <sup>2</sup>. Цивилизація Запада (говорилъ онъ) движется въ эту страну съ двухъ противоположныхъ сторонъ, съ различными степенями быстроты, и носитъ на себѣ весьма различные характеры. Высоко развитая и сложная система Европейской гражданственности, введенная въ Индіи и утверждаемая, не безъ собственной выгоды, въ предѣлахъ Британской имперіи, не произвела почти никакого дѣйствія на сопредѣльныя страны, лежащія внѣ района ея вліянія. Она остановилась какъ разъ тамъ, гдѣ находятся естественныя границы Индійскаго полуострова. Пересѣкая горный барьеръ, отдѣляющій равнины Индіи отъ этихъ странъ, путешественникъ разомъ переходитъ отъ цивилизаціи къ варварству, отъ порядка—къ анархіи, отъ законности—къ произволу. Въ противоположномъ напра-

<sup>1</sup> Недавнія извѣстія изъ Авганистана (объ оставленіи Кабула и затруднительномъ положеніи Англіійскихъ войскъ) нисколько неослабляютъ сказаннаго: если Англичане даже принуждены будутъ уйти изъ Авганистана, что весьма сомнительно, то вслѣдъ за тѣмъ они опять придутъ туда и такъ, или иначе порѣшатъ съ Авганистаномъ, ибо Авганскій вопросъ сливается у нихъ съ вопросомъ Индійскимъ, а значеніе этого послѣдняго для Англіи весьма велико.

<sup>2</sup> H. W. Bellew, From the Indus to the Tigris. London, 1874. Предисловіе.

вленіи движется въ Азійи возростающая цивилизація Россіи. Цивилизація эта (говоритъ Белью) несмотря на свои Европейскіе элементы, въ общемъ своемъ характерѣ мало возвышается надъ тѣми странами, гдѣ она такъ быстро распространилась, и по этой причинѣ она гораздо менѣе, чѣмъ первая, противоположна вкусамъ и потребностямъ покоренныхъ ею народовъ. Таково положеніе со стороны Россіи. Страны, лежащія между Русскими владѣніями въ Средней Азійи и Британскими въ Индіи—и представляютъ тотъ барьеръ, который раздѣляетъ двѣ вышеуказанныя формы цивилизаціи. Въ такомъ положеніи однакожъ страны эти остаться не могутъ, и рано или поздно онѣ должны будутъ подчиниться той или другой изъ надвигающихся на нихъ цивилизацій. Означенныя страны (прибавляетъ Белью) требуютъ отъ насъ болѣе чѣмъ обыкновенной любознательности и привлекаютъ наше вниманіе не только ради этой любознательности, но и въ интересахъ исправленія того зла, которое причинила намъ Авганская война, и послѣдствія котораго—какъ извѣстно всякому служащему на нашей сѣверо-западной границѣ—еще очень значительны.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ очертилъ наше (Россіи) и свое (Англійи) взаимное положеніе въ Средней Азійи любознательный Англійскій путешественникъ. Здѣсь все ясно и опредѣленно; здѣсь вы слышите тонъ дѣловаго человѣка и практика, чуждаго всякихъ туманныхъ разсужденій о *deux grandes puissances, chargées par la Providence divine de civiliser les peuplades sauvages*<sup>1</sup> de l'Asie, de convaincre par leur force (convaincre par force!) et leur esprit de justice, les tribus barbares de ces contrees<sup>2</sup>... и, разглагольствованій о *solidarité de leurs intérêts, vrais et réels qui conseillent de se tendre mutuellement la main sur le sommet de l'Hindoucousch et de defendre virilement leurs conquêtes faites au nom de la civilisation et de l'humanité...*<sup>3</sup> и т. п.

Къ счастью, подобныя туманныя разсужденія не находятъ себѣ подтвержденія ни въ предшествовавшихъ укрѣпленію нашему въ Средней Азійи историческихъ фактахъ, ни въ послѣднихъ, на нашихъ глазахъ совершающихся, тамъ событіяхъ, ни во мнѣніяхъ Русскихъ людей, знакомыхъ съ положеніемъ Средне-Азіатскихъ дѣлъ.

Никто, мало-мальски задумывавшійся надъ такъ называемымъ Средне-Азіатскимъ вопросомъ, никогда нестанетъ утверждать, что интересы

<sup>1</sup> Эти *peuplades sauvages*—къ слову сказать—имѣютъ за собою исторію, несомнѣнно длиннѣйшую, чѣмъ исторія Англійи, имѣютъ право, которому, въ нѣкоторыхъ его частяхъ, можетъ позавидовать и Европа, обладаютъ зданіями высокохудожественной постройки и считаютъ въ средѣ своихъ предковъ эмира Тимура съ его «танзиматомъ» и «мельфусатомъ», султана Бабера съ его замѣчательными записками о своей жизни, султана Абуль-Газія съ его исторіею о Татарахъ, поэтовъ Наваи, Ходжи-Ахмета-Ясави и др., и читаютъ въ подлинникахъ и переводахъ поэтовъ Персидскихъ, какъ напримѣръ, Хафиза, чтеніемъ котораго небрегаетъ и Европа.

<sup>2</sup> Martens, p. 3.

<sup>3</sup> Р. 7.



Россіи и Англіи въ Средней Азіи sont parfaitement identiques et reciproques; напротивъ, каждый изъ этихъ лицъ непременно скажетъ, что интересы эти не только нетождественны, но и взаимно-противоположны. Впрочемъ и самъ профессоръ Мартенсъ дѣлаетъ нѣкоторую уступку высказанному мнѣнію, говоря въ одномъ мѣстѣ (стр. 7), что l'avenir de l'Asie et le sort futur de leurs possessions obligent la Russie et de l'Angleterre à ne perdre jamais de vue le rôle sublime, que la providence leur a tracé... и пр., а въ другомъ—(стр. 8), что la diplomatie de l'Europe est forcée en Asie, de changer ses allures, ses moyens d'action et, à certain degré, ses buts. Что же это за цѣли, которыя должна измѣнять Европейская дипломатія по отношенію къ Азіатскимъ народамъ, и это примѣненіе цѣлей должно-ли быть также тождественно какъ и самыя цѣли? Факты указываютъ намъ, что въ дѣйствительности этаго нѣтъ: что примѣненіе различно, да и самыя цѣли различны.

Англичане, pour bien jouer le rôle sublime que la Providence divine leur a tracé... и пр., выжимаютъ Индію какъ лимонъ, а мы, Русскіе, чтобы получить славу великихъ завоевателей и 700 т. пудовъ въ годъ сомнительной доброты хлопка, приплачиваемъ за удовольствіе владѣть Туркестаномъ до 8 м. руб. въ годъ. Вотъ вамъ и тождественность примѣненія цѣлей pour civiliser les peuplades sauvages!

Оглянемся нѣсколько назадъ.

Появленіе наше въ глубинѣ Средней Азіи, почти у подошвы Гиндукуша, должно быть разсматриваемо какъ естественное продолженіе того, пожалуй, безсознательнаго (если смотрѣть на краткіе періоды времени, неохватывая общаго) Drang nach Osten, которое, проходя черезъ всѣ періоды Русской исторіи, со временъ самыхъ древнѣйшихъ до настоящаго, приводитъ насъ опять къ тѣмъ мѣстамъ, откуда вышли, какъ полагаютъ, наши общіе съ Европейцами предки—Арійцы <sup>4</sup>. Путь, по которому совершалось это движеніе, прокладывался вѣками, медленно, но прочно. Вѣрный своему историческому призванію, Русскій человѣкъ постепенно, шагъ за шагомъ, отнималъ у своихъ Восточныхъ сосѣдей принадлежащія имъ земли и воды, строилъ остроги и города, заводилъ торговыя сношенія и, уподобляя себѣ туземцевъ, а отчасти и уподобляясь имъ, шелъ все далѣе и далѣе. Слѣды этаго движенія и до сихъ поръ видны: это поселенія и города по рр. Камѣ, Бѣлой, Самарѣ, Уралу, основавшіеся постепенно, по мѣрѣ движенія, въ промежутки десятковъ лѣтъ. Незабыты и главные коноводы движенія: имена ихъ сохранились не въ однѣхъ только народныхъ пѣсняхъ, но и въ исторіи. Слѣдомъ за

<sup>4</sup> Это понятное, такъ сказать, движеніе въ Азію совершается, кажется, и у Восточныхъ народовъ: Каракалпаки (буквально Черные Клобуки нашихъ лѣтописей), бывшіе нѣкогда подъ Кіевомъ, очутились потомъ на Волгѣ, затѣмъ въ Хивинскихъ предѣлахъ, а теперь они живутъ уже въ Бухарскихъ владѣніяхъ; Половцовъ, Торковъ, Комановъ (Тюрко-манъ), тѣснившихъ Славянъ въ Европѣ, нужно искать теперь въ Азіи.



первыми колонизаторами шло правительство, поощряя поселщиковъ не только льготами и матеріальною поддержкою, но и само заводя съ сосѣдними государствами торговыя и дружественныя сношенія. Такъ, неупоминая о древнѣйшихъ временахъ торговыхъ сношеній нашихъ съ Азією, слѣды которыхъ несомнѣнны, и неговоря уже про Китай, съ которымъ официальныя сношенія начались еще при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1674 году, достаточно указать на всѣмъ извѣстные факты. Петръ I отправлялъ съ этою цѣлью посольства въ Хиву и Бухару; въ 1716 посылалъ туда же князя Черкаскаго, поручая ему осмотрѣть теченіе рѣки Аму-Дарьи и торговыя пути въ Индію. При Петрѣ же въ 1705 и 1716 пріѣзжали къ намъ посольства изъ Бухаріи. Въ 1727 году велѣно было торговлю съ Хивою и Бухарою, «возстановить по-прежнему» и для безопасности каравановъ давать изъ Астрахани надежный конвой. Въ 1734 году для охраненія Башкирцевъ отъ нападенія кочевыхъ ордъ и для прочнаго установленія торговыхъ сношеній нашихъ съ окрестными Азіатскими народами основанъ былъ Оренбургъ и велѣно было отправлять оттуда караваны прямо въ Бухарію и стараться принимать тамошнихъ купцовъ въ новопостроенный городъ. Въ 1750 году въ Оренбургѣ устроена была уже ярмарка. Въ 1760 году дозволено было графу Воронцову учредить торговую компанію по Каспійскому морю для производства торговли съ Бухарією, Хивою и Трухменією. Въ началѣ XVIII вѣка, особенно во время дѣйствія континентальной системы, установленіе болѣе прочнымъ образомъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ сдѣлались предметомъ особенной заботливости правительства. Множество распоряженій этаго времени, о которыхъ мы неимѣемъ времени подробно распространяться, достаточно свидѣлствуютъ, что мирное, колонизаторское движеніе Русскихъ въ Азію небыло искусственнымъ, не составляло каприза того или другаго лица, а совершалось и совершается въ силу исторической и неизбѣжной необходимости. On comprend donc (говоритъ профессоръ Martens), pourquoi même ceux des Russes qui ne sont nullement enthousiasmés des conquêtes faites en Asie par les armes russes, devaient se familiariser graduellement avec l'idée qu'une rencontre avec les Anglais sur les bords de l'Indus et sur les hauteurs de l'Hindoukousch est devenue inevitable et qu'une loi naturelle, immuable la prescrit <sup>1</sup>.

Здѣсь не мѣсто говорить о причинахъ этаго явленія и отыскивать

<sup>1</sup> Странно, послѣ только-что приведенныхъ словъ, читать въ брошюрѣ почтеннаго профессора, что «il serait injuste au plus degré d'attribuer à un esprit chauviniste ou belliqueux de la nation russe l'idée qu'une expedition contre les Indes pourrait un jour devenir une nécessité impérieuse et un devoir inéluctable». Значитъ неизбѣжная, какъ естественный законъ, встрѣча наша съ Англичанами на берегахъ Инда и высотахъ Гиндукуша будетъ мирная, и мы доживемъ до того блаженнаго времени, когда городъ «Миръ-вамъ», проэктированный Богдановичемъ на мѣстѣ этой встрѣчи, дѣйствительно будетъ построенъ? Этотъ городъ я предлагалъ бы назвать «Ассалямъ-Алейкюмъ» (буквально «Миръ-вамъ»); а то значеніе его (а вѣдь въ этомъ-то и суть дѣла) не будетъ понятно туземцамъ.

сокровенную его суть. Вопросъ этотъ слишкомъ важный, и не входить въ программу настоящей замѣтки нашей на брошюру профессора Мартенса. Но охарактеризовать это движеніе, хотя кратко, для цѣлей нашей замѣтки—не будетъ лишнимъ.

Бѣжали Русскій человѣкъ въ Азію не только потому, что на Руси—какъ утверждалось нѣкоторыми—ему было иногда несовсѣмъ хорошо, но и потому, что самъ Русскій человѣкъ, по натурѣ своей, колонизаторъ или, пожалуй, полу-кочевый человѣкъ. Распространяться объ этой чертѣ Русскаго человѣка—также излишне потому, во первыхъ, что врядъ-ли найдется кто сказать что-либо противное этому положенію, или объяснять какъ нибудь иначе всѣмъ извѣстные историческіе факты, а, во вторыхъ, едва-ли кто будетъ оспаривать, что даже теперь не будь только нѣкоторыхъ стѣсненій въ переселеніи крестьянъ, наша матушка Русь значительно разбрелась бы въ разныя стороны, отыскивая себѣ земельного приволья. Припоминаются мнѣ по этому поводу два случая. Встрѣтилъ я однажды, за Казалой, цѣлую вереницу медленно двигающихся телѣгъ со всякимъ крестьянскимъ скарбомъ; рядомъ съ ними шли мужики и бабы, гнали коровъ и лошадей, по сторонамъ бѣжали ребятишки—словомъ, двигалась цѣлая Русская деревня. Послѣ разспроса, кто они и зачѣмъ сюда попали, оказалось, что они Воронежцы, «ищутъ себѣ мѣстовъ»—и ищутъ ихъ уже цѣлыхъ два года; были они и на Исыкъ-Куль и еще гдѣ-то; теперь кто-то указалъ имъ на земли подъ Казалой, куда они направляются. Вѣроятно, подъ Казалой мѣстовъ они не нашли и вернулись обратно, потерявъ на кочевье года три, а можетъ быть и болѣе. Это одинъ примѣръ, а вотъ другій. При объѣздѣ, кажется, губернаторомъ въ 1868 Исыкъ-Кульскаго уѣзда, онъ и его свита неожиданно для себя наткнулись на Русскій поселокъ; встрѣтили ихъ сельчане, по обычаю, хлѣбомъ и солью, и на вопросъ, кто они такіе и какъ сюда попали, весьма наивно отвѣчали, что они Русскіе, живутъ здѣсь недавно, а платятъ дань Киргизскому салтану—т. е. нашему волостному изъ Киргизъ. Вотъ вамъ матушка Русь не четырехъ и триста лѣтъ назадъ, а теперь на нашихъ глазахъ, на дальнихъ окраинахъ!

Забираясь въ глубь Азіи, Русскій человѣкъ, со свойственною ему смелостью и умѣньемъ ужиться съ природою и людьми, никогда не брезгалъ тѣми народностями, среди которыхъ ему приходилось жить и дѣйствовать, и никогда не относился къ нимъ исключительно съ враждебной или презрительной точки зрѣнія. Я не стану приводить здѣсь примѣровъ всѣмъ извѣстнаго въ этомъ отношеніи добродушія Русскаго человѣка; но не могу не указать на одинъ фактъ, особенно рельефно выставляющій эту великую черту нашего народа. Въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1865 небольшой отрядъ Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ М. Г. Черняева, взялъ штурмомъ Ташкентъ. Населеніе города, зная, какъ поступаютъ въ этихъ случаяхъ побѣдители съ побѣжденными, трепетало за свою жизнь и имущество; дѣйствительно, по мусуль-



манскимъ понятіямъ (да однимъ ли мусульманскимъ) побѣдитель могъ стереть городъ съ лица земли, распродать жителей въ рабство, забрать ихъ женъ и дѣтей, разграбить имущество <sup>1</sup>. На третій или четвертый день прокламація Русскаго побѣдителя рѣшила ихъ судьбу иначе. «Я, Искендеръ <sup>2</sup> Черняевъ, гласила эта прокламація, привелъ васъ подъ высокую и великую руку Бѣлаго Царя. Живите тихо и смиренно, какъ повелѣваетъ вамъ пророкъ вашъ Магометъ, да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе»... Затѣмъ вкратцѣ повторяются нѣкоторые главные правила шаріата. Вотъ великій актъ дипломатической мудрости Русскаго человѣка, и вотъ въ чемъ лежитъ его сила въ Средней Азіи. Въ состояніи ли Макъ-Натены, Борнсы, Робертсы, Непиры и пр. сдѣлать что либо подобное.

Эту способность ужиться съ туземцами—и не такъ, чтобы снисходя къ нимъ съ высоты собственнаго Европейскаго величія, а по-просту, по человѣчески, даже непоступаясь передъ нимъ своимъ «я», испыталъ на себѣ почти всякій, жившій на нашей Средне-Азіатской окраинѣ. Я бы могъ привести здѣсь массу самыхъ характерныхъ примѣровъ изъ разнообразныхъ случаевъ жизни нашей на этой окраинѣ. Скажу только о себѣ. Сколько разъ, возвращаясь поздно вечеромъ изъ гостей у туземцевъ, гдѣ валяясь въ саду на коврѣ и набивъ себѣ желудокъ разными вкусными сладостями, мясомъ и рисомъ на бараньемъ салтѣ, провелъ я цѣлый день съ совершенно чуждыми моему складу жизни, привычкамъ, образованію и т. п. людьми,—задавалъ я себѣ мысленно вопросъ: не самъ-ли я Татаринъ, чтó общаго между этими людьми и мною? и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовалъ, что этотъ день, по-Европейски потерянный, я провелъ нефальшиво, безъ натяжекъ и подлаживаній—а такъ, какъ бы я провелъ его среди моихъ добрыхъ знакомыхъ Европейцевъ. Такія отношенія Русскихъ къ туземцамъ, побѣдителей къ побѣжденнымъ,—несколько неисключительны по личностямъ, мѣстностямъ и отдѣльнымъ случаямъ; они есть естественное послѣдствіе вышеуказанной особенности Русскаго характера на иноплеменныхъ нашихъ окраинахъ: я подмѣчалъ точно такія же отношенія Русскихъ къ туземцамъ и въ Сибири, и на Кавказѣ, и даже въ только-что завоеванной Карской области. Въ Средней Азіи только эта особенность Русскаго характера показалась мнѣ еще рельефнѣе, чѣмъ гдѣ либо—и на это есть, какъ мнѣ кажется, особая причина, объясненіе которой завело бы меня слишкомъ далеко. Понятно, что такія отношенія Русскихъ къ туземцамъ не могутъ не оказывать вліянія и на этихъ послѣднихъ. Я не буду повторять здѣсь банальныхъ фразъ, что мы обезпечили имъ жизнь, которую они, вѣруа въ

<sup>1</sup> Въ этомъ же или въ 1864 году нынѣшній Бухарскій эмиръ, взявъ Гиссаръ, вырѣзалъ въ немъ въ одинъ день болѣе 7 т. человѣкъ.

<sup>2</sup> Искендеръ—мусульманская лѣсть, намекъ на Александра Македонскаго, сдѣланный, вѣроятно, мусульманскимъ мирзою, при переводѣ документа.

«кисметъ», неособенно цѣнить, и имущество, котораго вообще немного и которое вовсе небыло такъ беззащитнымъ, какъ это нѣкоторые думаютъ, и въ томъ числѣ профессоръ Мартенсъ, полагая, что въ средѣ этихъ «tribus barbares» только и было «que le pillage, les représailles et la guerre en permanence»<sup>3</sup>. Я скажу только, что мы пришли въ Среднюю Азію съ войскомъ, постоянно, по мѣрѣ дальнѣйшихъ завоеваній, увеличивающимся, которое надо было перевозить, помѣщать, кормить и одѣвать; затѣмъ мы завели тамъ обширную администрацію, устроили для нея города, провели дороги, почты, телеграфъ. На все это мы тратили большія деньги, и деньги эти шли по преимуществу туземцамъ. Всѣ большія поставки, подряды, сооруженіе зданій, проведеніе дорогъ, наконецъ, самая торговля, ради которой мы якобы пришли въ Среднюю Азію и даже часть административной власти—все это, по крайней мѣрѣ до послѣдняго времени, находилось въ рукахъ туземцевъ, изъ которыхъ многіе на нашъ счетъ создали себѣ немислимые до того времени капиталы и благосостоянія. Такихъ примѣровъ мы не найдемъ ни въ Алжирѣ, ни въ Индіи. Кромѣ того, завоевавъ Туркестанъ, мы обложили туземцевъ самыми ничтожными сборами—по крайней мѣрѣ въ четыре раза меньшими противъ того, что платятъ податныя сословія въ Россіи. Положимъ, что, вслѣдствіе разныхъ неурядицъ, сборы эти и были болѣе большими противъ того, чѣмъ они должны были быть въ дѣйствительности, но и при всемъ томъ, они небыли отяготительными, а тѣмъ болѣе разорительными. Для туземцевъ Русскаго Туркестана тяжелы эти неурядицы, а не самые сборы. По своему личному наблюденію я знаю, что населеніе Русскаго Туркестана несомнѣнно богатѣетъ, а не разоряется, чего нельзя сказать относительно многихъ мѣстностей коренной Россіи. Если бы этой окраинѣ нашей дано было надлежащее устройство, котораго оно до сихъ поръ, послѣ 14-ти-лѣтняго владѣнія ею, еще неимѣетъ, то экономическое положеніе туземцевъ было еще болѣе лучшимъ. Наконецъ до сего времени мы не трогали въ Средней Азіи весьма важнаго для мусульманъ вопроса, на который такъ падки Англичане,—вопроса религіознаго и пропаганды христіанства. Русское духовенство вело себя въ этомъ отношеніи замѣчательно хорошо: оно не гонялось за приобрѣтеніями въ лоно христіанства душъ невѣрныхъ мусульманъ, не совало имъ въ руки даровыхъ евангелій, не проповѣдывало имъ на базарахъ, какъ дѣлается въ Индіи, лживость ученія Магомета,—и это качество Русскаго духовенства туземцы вполне оцѣнили. Русскій «ишанъ» несдѣлался для нихъ ненавистнымъ пугаломъ, а лицомъ почтеннымъ. Недавній пріемъ, кото-

<sup>3</sup> При мусульманскомъ владычествѣ простому народу въ Туркестанѣ жить было, относительно говоря, недурно; ханы щипали только богатыхъ, т. е. купцовъ, имѣвшихъ десятки тысячъ рублей. Болѣе богатыхъ лицъ въ то время почти не было.



рый оказывали туземцы Туркестанскому архіерею при объѣздѣ имъ епархіи, служить лучшимъ тому доказательствомъ. Всѣ эти повидимому случайныя особенности, но въ сущности естественныя слѣдствія тойже черты Русскаго характера, о которыхъ мы сказали выше, не представляютъ ничего преднамѣреннаго, обдуманнаго, никакой программы, за которыя можно бы было похвалить то, или другое лице, или систему. Все это сложилось, такъ сказать, само собою, частью путемъ добросердечія Русскихъ, частью путемъ мусульманской хитрости, взаимныхъ уступокъ и т. п. При занятіи края спросили, на примѣръ, туземцевъ, сколько они платили сборовъ прежде, при мусульманскомъ владычествѣ; туземцы отвѣчали (и разумѣется соврали), что они платили столько-то; этотъ сборъ и оставили, потому что повѣрять было некогда, да и некому. Потребовали мы отъ нихъ на службу намъ лучшихъ людей, они дали намъ ловкихъ людей; ихъ мы сдѣлали своими совѣтниками и черезъ нихъ управляли краемъ. Стали туземцы спрашивать съ насъ за свои продукты чуть-ли не вдесятеро противъ того, по-скольку продавали прежде,—мы добродушно платили. На каждомъ изъ насъ въ Туркестанѣ—по правдѣ сказать—сидѣлъ и сидитъ туземецъ, глазами котораго мы и смотримъ на край. Система, или программа отношеній къ туземцамъ у насъ, какъ я замѣтилъ уже, никогда небыла выработана. Долго мы воспитывали, на примѣръ, обманывая себя, Коканскаго хана Худояра, дарили ему кареты, люстры, заставляли покупать буковую мебель, держать въ Ташкентѣ своего посланника и т. п., и когда этотъ ханъ, ради благъ цивилизаціи, пришедшейся ему по вкусу, сталъ уже очень сильно налегать на своихъ подданныхъ, мы и неподумали поддержать и образумить нашего прозелита въ цивилизаціи, а предоставили ему успокоиться у насъ въ Оренбургѣ, откуда онъ, благодаря Аллаху, благополучно сбѣжалъ, самъ не зная, впрочемъ, для чего. Также поступили мы и съ его сыномъ, еще бѣльшимъ поклонникомъ цивилизаціи, чѣмъ его отецъ. По добросердечію только, а не ради иныхъ, коварныхъ цѣлей, какъ думаютъ Англичане, держали мы у себя Авганскаго принца Искендеръ-хана и держимъ теперь его дядю, Абурахмана, плативъ первому 3 т., а второму 209 т. р. въ годъ<sup>1</sup>. Безграмотные туземцы, толкавшіеся возлѣ насъ, за заслуги, «ихъ же, Господи, Ты вѣси», получили у насъ такія почетныя званія и отличія, а жены ихъ пенсіи, которыя не получали первостепенные Русскіе купцы и жены крупныхъ чиновниковъ,—и получали, надо замѣтить, безъ особеннаго искательства, безъ заднихъ ходовъ. Бывали случаи, что подозрительныхъ туземцевъ ссылали мы въ Сибирь на исправленіе, и почти всегда, года черезъ два, возвращали обратно, считая ихъ исправившимися. Примѣровъ много; ихъ только долго рассказывать. Самыя притѣсненія, неурядицы, обиранія, ханцевъ-гегрип-

<sup>1</sup> Абурахманъ-ханъ, съ мѣсяцъ назадъ, убѣжалъ—вѣроятно въ Авганистанъ, гдѣ онъ любимъ и имѣетъ значительную партію ему преданныхъ людей. Значитъ Авганскій вопросъ усложняется не на шутку.

цы, по выраженію одного знакомаго мнѣ становаго пристава, совершаются въ Туркестанѣ также на мусульманскій манеръ, несистематически, а такъ, урывками, экстраординарно, при большихъ проигрышахъ, необходимости дать пирушку и т. п., и притомъ—съ нѣкоторыми особенностями добраго стараго времени; снятъ, напримѣръ, шубу съ волостнаго, купившаго ее у Макарья себѣ на франтовство, да снявши, попоилъ его чаемъ, и подарилъ затрапезный халатъ. Систематизація грабежа туземцевъ, какъ это практикуется въ правительственной системѣ въ Индіи, въ Туркестанѣ не существуетъ. Что лучше—я не знаю; но я констатирую фактъ, и полагаю, что въ этомъ случаѣ мнѣ можно дать вѣру, потомучто самъ я неразъ писалъ о Туркестанской неурядицѣ и тамошнихъ безпорядкахъ.

Въ заключеніе объ этомъ предметѣ мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ факторѣ, на которомъ зиждется наше могущество въ Средней Азій—о силѣ нравственной,—идеѣ «Бѣлаго Царя». Я думаю, немногимъ извѣстно, что идея царя-царей, повелителя міра, передъ которымъ всѣ другіе владѣтели только данники и, въ случаѣ войны съ нимъ, только бунтовщики,—идея очень древняя, живущая еще и теперь, во всей своей неприкосновенности, на всемъ Востокѣ. Позднѣйшее, современіе мусульманства, понятіе о «халифѣ» нѣсколько спутало и раздвоило эту идею, но все-таки жизненность ея несомнѣнна. А такъ какъ въ мусульманскомъ мірѣ вѣрованія религіозныя, нравственныя, политическія, несравненно цѣлостнѣе, чѣмъ въ мірѣ христіанскомъ, обильномъ всякими сомнѣніями, отрицаніями, критикой, и вѣрованія эти—странно сказать—ближе, чѣмъ у насъ связаны съ поступками практической жизни, то вышеуказанная идея, несмотря на всю ея отвлеченность, является идеею обиходною, всѣми признаваемою, оспаривать которую было бы странно, нелѣпо.

По счастливой ли случайности, или историческому предопредѣленію, идея эта перенесена туземцами Азій на Русскаго Царя. Мнѣ очень хотѣлось бы поговорить объ этомъ, въ высшей степени интересномъ предметѣ подробнѣе и обстоятельнѣе; прослѣдить эту идею поглубже, показать, напримѣръ, какъ видоизмѣняется она въ головахъ мусульманскихъ пословъ, пріѣзжающихъ сюда, въ Петербургъ и т. п.; но вопросъ этотъ далеко отклонилъ бы меня въ сторону отъ цѣли моей настоящей замѣтки. Итакъ впередъ моя исторія, иначе брошюра профессора Мартенса рискуетъ остаться безъ возраженій.

Итакъ, какъ я сказалъ выше, движеніе наше въ Среднюю Азію не есть движеніе искусственное, обдуманное, преднамѣренное и повелѣнное. Движеніе это—роковое, исторически неизбѣжное. Мы сами не знаемъ, зачѣмъ мы углубляемся въ Среднюю Азію и какія цѣли мы тамъ преслѣдуемъ. Правда, въ послѣднее время причины этого движенія объяснялись необходимостью обезопасенія границъ, надобностью открыть рынки для сбыта нашихъ произведеній, капризами и желаніемъ отличій



полководцевъ. Всѣ эти причины, можетъ быть и справедливыя — есть только причины отдѣльныхъ эпизодовъ этаго движенія, а не причины этаго послѣдняго. Границы наши, при всякомъ послѣдующемъ углубленіи въ Среднюю Азію, оставались столько же небезопасенными, какими были прежде; въ открытіи рынковъ въ Средней Азіи промышленность наша, имѣя свой собственный громаднй рынокъ, потребителямъ котораго она даже не въ состояніи удовлетворить, вовсе не нуждается, и потому на этихъ рынкахъ она даже не можетъ одолѣть соперничества съ нею мѣстныхъ произведеній. Личныя побужденія Русскихъ генераловъ, если они и существуютъ, все же, вѣдь, безграницны: нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что втеченіе десятковъ лѣтъ каждый генералъ исключительно по личнымъ побужденіямъ все шель впередъ и впередъ, далѣе своего предшественника. Ну, осмѣлился одинъ, другій, а третій, вѣдь, и оборвется. Нѣтъ, Русскіе генералы, если смотрѣтъ на дѣло поглубже, даже если они преслѣдовали свои личныя цѣли, были только носителями этой исторической идеи, которой они, конечно, неподозрѣвали, но которой они тѣмъ не менѣе были безсознательными исполнителями. Пониманія истинной причины подобнаго рода явленій въ исторической жизни народа нескоро даются людямъ и приходятъ въ ихъ сознаніе постепенно; отсюда — рознь мнѣній относительно причинъ движенія нашего въ Среднюю Азію, нашихъ тамъ задачъ и цѣлей, неустойчивость и колебанія въ мѣропріятіяхъ и дипломатіи. Сановникъ, говорящій сегодня, что надо же наконецъ положить предѣлъ честолюбію Черняевыхъ, Романовскихъ, Кауфмановъ, и оградить себя отъ нарѣканія Англичанъ, завтра подписываетъ уполномочіе тѣмъ же Кауфманамъ идти далѣе — и, замѣтите, подписываетъ это уполномочіе добровольно, не протестуя, потому что и онъ, этотъ сановникъ, также носитель той же безсознательной, исторической идеи. Если намъ, Русскимъ, какъ видите, трудно усвоить себѣ и сознать эту идею, то для Англичанъ оно и по-давно труднѣе. Въ этомъ обстоятельствѣ и нужно искать причину той невообразимой чепухи, которою наполнены почти всѣ Англіійскія сочиненія, старающіяся объяснить цѣль движенія нашего въ Среднюю Азію. Тутъ вы найдете и преднамѣренную, глубоко-обдуманную, коварную политику, съ подстрекательствами, подкупамъ, агентами, и самоволіе Русскихъ полководцевъ, и необузданность жажды захвата и завоеваній, и т. п. Сочиненія, въ родѣ брошюры Мартенса, конечно, такихъ мнѣній неослабляютъ, потому что съ побѣжденными племенами и народами, Англичанинъ, какъ извѣстно, негуманенъ, и идею о *son rôle sublime tracé par Providence divine* понимаетъ нѣсколько иначе, чѣмъ понимаемъ ее почтенный профессоръ. Чуждые, по своему характеру, политическихъ отвлеченностей вообще, а по дѣламъ Востока въ особенности, Англичане, естественно, не могутъ понять безкорыстнаго движенія нашего въ Среднюю Азію и убыточнаго для насъ въ матеріальномъ отношеніи владѣнія ею; наиболѣе разумные изъ нихъ объясняютъ это движеніе исклю-

чительно съ практической точки зрѣнія, именно желаніемъ съ нашей стороны наибольшихъ захватовъ въ Средней Азіи и приближенія къ Британской Индіи для нанесенія имъ, Англичанамъ, существеннаго вреда. Нельзя отрицать, что такое объясненіе, вообще говоря, весьма справедливо. Ошибочно оно только въ томъ отношеніи, что желаніе это—не вчера созданное и несозданное на почвѣ кабинетныхъ дипломатическихъ комбинацій, а, какъ сказано нами выше, естественное, исторически-необходимое. Если бы Индія сохраняла еще свою политическую самостоятельность, или если бы она находилась теперь въ рукахъ Французовъ, Голландцевъ, Шведовъ—кого хотите, то теченіе событій въ Средней Азіи измѣнилось бы, можетъ быть, только въ частностяхъ, а общее осталось бы такимъ же, какимъ оно существуетъ въ настоящее время.

Все, что говорено выше, относится къ хорошимъ или, лучше, къ выгоднымъ сторонамъ нашего положенія въ Средней Азіи. Но есть стороны и невыгодныя. Теперь рѣчь пойдетъ о нихъ. Эти послѣднія—я долженъ сказать—не могутъ представлять противорѣчія первымъ, ибо первыя коренятся въ нашей исторіи, въ нашемъ народномъ духѣ, а послѣднія существуютъ въ совершенно другой области, и при малѣйшемъ ихъ уразумѣніи, могутъ быть исправлены, лишь бы была на то добрая охота со стороны лицъ, стоящихъ у дѣла и имъ заправляющихъ.

Покоренныя Русскимъ оружіемъ и присоединенныя къ территоріи Россіи, четырнадцать лѣтъ назадъ, мѣстности Средней Азіи и рѣже того въ Русскомъ владѣніи находившіяся Киргизскія степи, образовавшія въ 1867 году, вмѣстѣ съ первыми, Туркестанское генераль-губернаторство, составляютъ часть весьма обширной страны, историческая и бытовая жизнь которой сложилась при другихъ условіяхъ, чѣмъ жизнь Европейскихъ народовъ, и протекла въ продолженіе многихъ вѣковъ въ совершенной замкнутости и почти внѣ всякихъ вліяній этихъ послѣднихъ народовъ. Поэтому, весьма однообразный въ самыхъ коренныхъ своихъ началахъ строй жизни этихъ странъ, во всѣхъ ея несложныхъ проявленіяхъ, во многомъ существенно разнится отъ современнаго строя жизни той страны, съ которою связала ихъ историческая судьба. Разница эта, довольно существенная въ настоящее время—есть основаніе полагать—небыла таковою прежде, въ до-Петровскій періодъ, когда та и другая страны представляли много сходнаго въ своей бытовой обстановкѣ и государственномъ устройствѣ. Въ настоящее же время, когда одна изъ этихъ странъ, въ высшихъ ея слояхъ, уже болѣе двадцати лѣтъ какъ измѣнила свое устройство на Европейскій образецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утратила живое чутье Востока, а другая развивалась по своему и попрежнему,—границы ихъ отчужденности другъ отъ друга все болѣе и болѣе расширяются, и 14-ти-лѣтнее управленіе Русской власти въ Туркестанскомъ краѣ нисколько ихъ несблизило. Скажу болѣе: если бы движеніе наше въ Среднюю Азію оставалось, какъ прежде, болѣе народнымъ, чѣмъ правительственнымъ, и небыло бы такимъ ускорен-



нымъ, какимъ было въ послѣднее время, то все-таки они очутились бы тамъ же, гдѣ теперь, но зато сидѣли бы прочнѣе. Прежнее, мусульманское управленіе нынѣ принадлежащими намъ Средне-Азіатскими мѣстностями было деспотическое, произвольное, но этотъ деспотизмъ и произволъ, передъ которымъ съ изумленіемъ останавливается всякій Европеецъ, былъ тѣмъ не менѣе народный, народу понятный и народомъ допускаемый. Эмиръ, ханъ, бекъ и всѣ другія развѣтвленія мусульманской власти, образованные нисколько не больше управляемаго ими народа, жили и живутъ совершенно одинаковою съ нимъ жизнью, подъ вліяніемъ одного и того же кодекса—шаріата, опредѣлившаго всѣ ея отправления—кодекса, хотя и основаннаго на коранѣ, но также, и главнымъ образомъ, сложившагося обычаемъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, всѣми знаемаго и всѣмъ понятнаго. Имѣя руководителемъ жизни только этотъ кодексъ, мусульманская власть всегда знала и знаетъ предѣлы своего произвола, какъ знаетъ его допускающій его народъ, и никогда, вслѣдствіе одного уровня образованія своего съ народомъ, не могла перейти этаго предѣла, не переставъ быть мусульманскою. Вотъ въ чемъ, въ сущности, отгадка изумительной покорности мусульманскихъ народовъ Средней Азіи своимъ властителямъ. Тѣмъ не менѣе существуетъ, и очень распространенное, мнѣніе, что народъ Средней Азіи, уставъ отъ такого деспотизма и произвола, смотритъ на Русскую власть какъ на своего освободителя и что власть эта, уничтоживъ произволъ и деспотизмъ мусульманскихъ владыкъ, внесла въ Среднюю Азію начала гражданственности и порядка. Мнѣніе это я ненахожу вѣрнымъ. Произволъ въ мусульманское время былъ несоблюденіемъ общеустановившагося и всѣмъ извѣстнаго порядка и закона; коэффициентъ этаго произвола, выражаясь математически, колебался въ извѣстныхъ предѣлахъ. Русскіе же законы и распоряженія Русской власти—въ глазахъ мусульманъ всѣ произвольны, и произвольны въ весьма широкихъ размѣрахъ, ибо Русскаго закона вообще и въ частности, по отношенію къ туземцамъ Туркестана, сіи послѣдніе вовсе не знаютъ, такъ-какъ законы для нихъ никогда непереводились, организація управленія и распоряженія власти нѣсколько разъ мѣнялись, и край—вотъ уже скоро 15 лѣтъ—остается безъ утвержденнаго въ законодательномъ порядкѣ устройства, по самымъ главнѣйшимъ предметамъ: поземельному, податному, судебному и пр. Понятно, поэтому, что всякое измѣненіе закона, новое его примѣненіе, а также административное распоряженіе, представляется туземцамъ, воспитаннымъ на кормчей книгѣ мусульманства—шаріатѣ, актомъ произвола, тѣмъ болѣе для нихъ страшнаго, что основанія, объемъ и предѣлы его для нихъ мало понятны. Если къ этому прибавить, что во всякомъ отдаленномъ краѣ, а тѣмъ болѣе все-таки еще новомъ, весьма трудно найти добросовѣстныхъ дѣятелей, то станетъ совершенно ясно, что гражданственности, въ его истинномъ значеніи, въ Туркестанскій край еще внесено не было. Я небуду приводить здѣсь подтверждаю-

щихъ это, мое, мнѣніе: объ этомъ предметѣ уже было писано неразъ: но теперь я не могу не замѣтить (а потомъ скажу подробнѣе) что такое положеніе дѣлъ на этой окраинѣ—самая благодарная почва для коварнаго Альбіона. Въ Англійскіе успѣхи въ Средней Азій, непосредственно совершаемые и имѣющіе совершиться, намъ невѣрится, даже и въ томъ случаѣ, если Авганистанъ окончательно подпадетъ ихъ власти; но успѣхи, имѣющіе совершиться ими посредственно, созданіе на югѣ нашихъ владѣній новаго Кавказа,—для насъ болѣе, чѣмъ вѣроятны, если только нарождающееся движеніе противъ Англичанъ въ Индіи не дастъ новаго оборота всему положенію дѣлъ на Востока.

Кажется, что послѣ всего сказаннаго положеніе наше въ Средней Азій, или, вѣрнѣе, мнѣніе наше объ этомъ положеніи, достаточно выяснено. Обратимся теперь къ Англіи, къ ея положенію въ Индіи и на границахъ нашей будущей встрѣчи съ нею, и посмотримъ: тождественно-ли это положеніе съ нашимъ, и однородны-ли съ Англіей—какъ утверждаетъ профессоръ Мартенсъ—наши интересы въ Средней Азій?

Н. Петровский.

## НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ И КНИГИ.

«Русскій Архивъ».—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.—«Кіевскія Университетскія Извѣстія».—«Труды Кіевской Духовной Академіи».—«Христіанское Чтеніе».—«Revue des deux Mondes».—Статистическія таблицы по горной промышленности Россіи. — Очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Крестовоздвиженской Общины сестеръ милосердія.—Сочиненія Н. И. Павлицева.—Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель.—Вышіе женскіе курсы въ Одессѣ профессора Трачевскаго. — Столы Разряднаго Приказа, по хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи книгамъ ихъ.—Сербія и Турція въ девятнадцатомъ столѣтіи.—Discours parlementaires de Thiers publiés par M. Calmon.—Списокъ новѣйшихъ книгъ.

Недавно вышедшая девятая тетрадь «Русскаго Архива» начинается главою изъ второй части «Исторіи Россіи» Д. И. Иловайскаго—«Галицкое наслѣдство». Давать отчета о ней мы небудемъ, такъ какъ скоро выйдетъ и вся вторая часть труда г. Иловайскаго, въ настоящее время донечатывающаяся и, какъ мы слышали, посвящаемая памяти Сергія Михайловича Соловьева.

Изъ помѣщенныхъ въ той же тетрадѣ «Русскаго Архива» бумагъ князя Г. А. Потемкина Таврическаго интересно одно только письмо, въ остальныхъ же—большую часть разныя мелкія просьбы и попрошайничества, обращенныя отъ разныхъ лицъ къ «свѣтлѣйшему». Письмо, на